

Дететь

эксцезы сцены - 1997 - 30 окт.

без устали скользить...

- 6 ноября - Лариса МИЛЛЕР с. 16

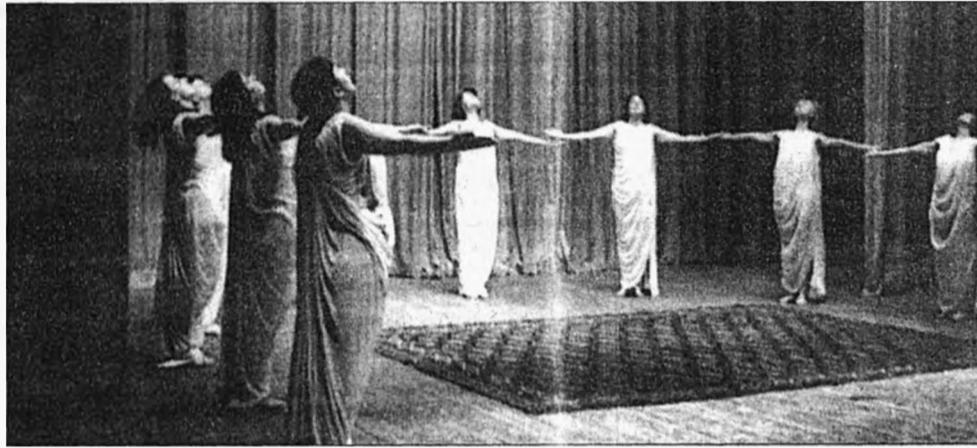
Она приходила к нам говорить по телефону. Вернее, не приходила, а соскальзывала со своего верхнего этажа. Раздавались три быстрых звонка, и полутемный коридор нашей коммуналки наполнялся особым тонким ароматом, который, как шлейф, следовал за ней в нашу комнату, где на мамином письменном столе стоял телефон. Она присаживалась на самый кончик стула и, плотнее запахнув халат, набирала нужный номер. Меня всегда удаляли из комнаты, пока она говорила. Наверное, оттого, что я следила за ней, открыв рот. Она казалась мне нездешним существом — невесомым и бестелесным. Худенькая, гибкая, с бледным прозрачным лицом, покрытым тонким слоем крема, с низким мелодичным голосом, она, ничего не заслоняя и занимая очень мало места, тем не менее заполняла собой все пространство. И даже не заполняла, а преображала, превращая обычную довольно убогую жилплощадь в нечто таинственное и неземное.

Сделав несколько звонков и пошептавшись с мамой, она бесшумно исчезала, оставив нам на память ароматное облачко своих духов. Иногда, вернувшись с прогулки и принявшись, я с досадой обнаруживала, что без меня заходила, вернее, залетала Ксюша, как ее ласково называли в нашей семье. Лишь позднее я узнала, что она была актрисой и звали ее Констанция Рок. Мне не довелось увидеть ее на сцене, но роль, которую она, сама того не ведая, сыграла в жизни почти не замечаемого ею ребенка, была уникальна: она зародила во мне страстное желание стать невесомой, гибкой и научиться ходить, не касаясь земли. Едва она скрывалась за дверью, я, встав на цыпочки, пыталась пересечь комнату. Но, увидев свое отражение в дверце зеркального шкафа, в ужасе замирала.

Боже, что за вид: плечи до ушей, носки внутрь. Остановившись перед зеркалом, я делала отчаянную попытку соединить пятки и развести носки, но при этом у меня почему-то немедленно поднимались плечи, и кисти рук выворачивались ладонями наружу. Ну что мне было делать, если я унаследовала от обоих родителей плоскостопие, а от отца еще и косолапость? И все же я не теряла надежды. Нацепив что-то белое и воздушное, снежинкой кружилась вокруг новогодней елки. На летнем празднике в детском саду изображала цаплю и, высоко поднимая колени, на мысочках шла по зеленому полю. Но, как я ни старалась, цапля моя оказалась косолапой, о чем упрямо свидетельствовали многочисленные фотографии праздника.

И тем не менее я продолжала надеяться и ждать. Чего? Ну хотя бы того, что снова появится Ксюша и хоть немного приоткроет тайну своей невесомости. И она появлялась. Даже дверной замок под ее пальцами не орал своим обычным дурным голосом, а мелодично пел, становясь прамбулой к ее чудесному приходу.

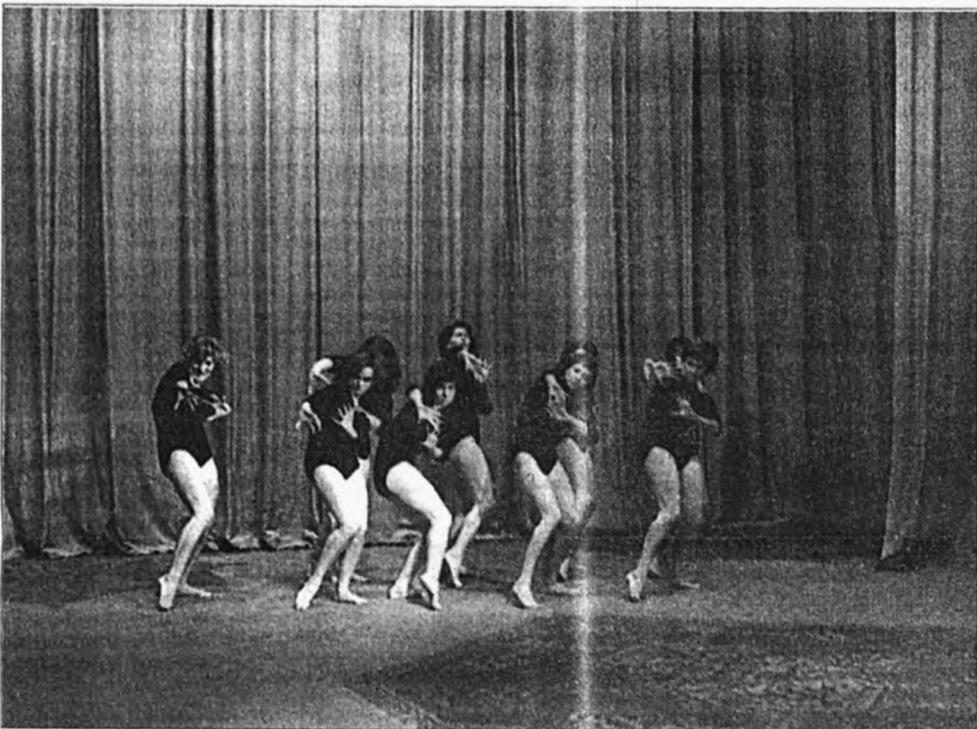
Почему она забегала к нам звонить, если

у всех в нашем доме (и у нее в том числе) был телефон, не знаю. Может быть, потому, что ей не всегда хотелось говорить при соседях, а у нас, кроме обычного аппарата, висящего на стене в коридоре, был еще один — в комнате (привилегия, которой добилась мама, работая на радио). Впрочем, до всех этих житейских подробностей мне совсем не было дела. Меня куда больше интересовал тот странный факт, что я никогда не встречала Ксюшу ни в подъезде, ни на улице, хотя много раз видела, как ее красивый темноволосый муж — знаменитый танцовщик Большого театра Юрий Гофман — с чмоданчиком в руках, дружной балетной походкой пересекает наш двор. Если он был для меня абсолютной реальностью, то она, изредка возникающая в нашей полутемной квартире на низком первом этаже, так и осталась дивным миражом, который однажды исчез навсегда.

Впрочем, исчезла не она, а мы: совершив обмен, мы переселились в другой район. Я стала ходить в соседнюю школу. И как-то раз весной, спустившись после урока в вестибюль, с удивлением увидела, как по кафельному полу, точно по катуке, скользит точеная молодая женщина в коротком летнем платье. "Вольская, Вольская", — шептали со всех сторон. "Кто такая Вольская?" — спросила я кого-то из своих одноклассников. "Ты что, Вольскую не знаешь? Она играет в оперетте и живет в твоём доме. Её дочка в нашей школе учится."

Взглянув через несколько дней в окно, я снова увидела Вольскую, которая легкой танцующей походкой шла по нашему перулку. Я смотрела ей вслед, пока она не свернула за угол.

Удивительно. И здесь рядом со мной оказалось существо, терзающее мою душу своей невесомостью. В отличие от Ксюши в Вольской не было ничего призрачного. Она ловко и весело вытряхивала коврик во дворе, почти танцуя выносила мусор, "по лестнице, как головокружение, через ступень сбегала и вела..." в обычный мир, где умела жить, скользить и летать.

Как-то раз я упомянула ее имя мальчику, в которого была влюблена. "Вольская? — переспросил он, просияв, — мы однажды оказались в одном доме отдыха, и она учила меня танцевать."

Танцевать. Ничего в жизни я не хотела больше, чем научиться танцевать. Я терзала мамину портниху, бывшую актрису кордебалета, заставляя ее разучивать со мной балетные позиции. Включив радио, до изнеможения кружилась под музыку. И все же каждый день слышала сговора своего горячо любимого деда: "Не косолап, внученька. Не шаркай. Поднимай ноги". Господи, ну почему я не унаследовала бесшумную дедушкину походку? Каждому свое. Какой жестокий приговор. Нет, с этим нельзя смириться.

Ведь неспроста, наверное, и в детстве и в юности чей-то летучий образ заставлял меня бороться с собственной приземленностью. И не случайно мои пожилые друзья, подарив на мой десятый день рождения специально для меня сочиненную книжку, написали в ней такие слова: "В танце будешь ты воздушна, только будь всегда послушна". Разве я не была послушна? Я слушала свой внутренний голос, который приказывал мне всячески противиться силе земного притяжения. И наконец, в один

прекрасный день, когда я уже вышла не только из детского, но даже из юношеского возраста, когда у меня уже был маленький сын, случилось невозможное: я попала туда, где обучали невесомости.

Нет, не в Звездный городок космонавтов, а в школьный зал на Цветном бульваре, где дважды в неделю происходил не то слет ангелов, не то шабаш ведьм, не то коллективные радения какой-то странной секты, которая в миру называлась студия алексеевской гимнастики. Алексеевской — потому что создала эту студию в начале века бывшая танцовщица Людмила Алексеева. Когда я впервые переступила порог зала, где под музыку кружились, летали, плыли существа женского пола, Алексеевой уже не было в живых. Она умерла в 64-м от рака. Мне говорили, что будучи смертельно больной, она продолжала регулярно приходить в школу, поднималась на пятый этаж и полулегла вела занятия. В последний год своей жизни она пыталась восстановить сочиненные ею еще до войны этюды на тему Глюка "Орфей и Эвридика".

Когда я пришла в 69-м, занятия вели ученицы Алексеевой. За роялем сидел старейший концертмейстер студии. Звучала самая разная музыка — от Баха до старого фокстрота, от Шумана до этюдов Черни. Звучала дивная музыка Глюка, под которую подруги оплакивали умершую Эвридику, фурии, принимая устрашающие позы, не пускали Орфея в царство теней ("Духи! Нет!" "Сжальтесь!" "Нет!"); сомнамбулически плыла по залу сама Эвридика.

Я готова была заниматься во всех существующих группах, включая детскую, в которой вызвалась помогать преподавательнице вести урок. И вот, исполняя вместе с детьми этюд "Цапля", я снова, как двадцать с лишним лет назад, иду на полупальцах, высоко поднимая колени. Заворачиваю ли я носки внутрь? Наверное, да. Но мнится мне, что нет. Мнится мне, что бегом стремителен, прыжок высок, и что я на мгновение зависаю над полом. "Да ты просто Сильфида", — сказала мне однажды старейшая ученица Алексеевой. Сильфида — дух воздуха. Не того ли алкала душа моя?

Лететь, без устали скользить
По золотому коридору.
И путеводна в эту пору
Осенней паутины нить,
И путеводен луч скупой,
И путеводен лист летучий,
И так влестся, будто случай
Уже не властен над судьбой...

Не приди я в эту студию, не узнай удивительного чувства полета, мне никогда бы не написать ни этих строк, ни многих других:

Все в воздухе висит.
Фундамент — небыллица.
Крыльями машет птица,
И дождик моросит.
Все в воздухе: окно,
И лестница, и крыша,
И говорят, и дышат,
И спят, когда темно,
И вновь встанут с зарей.
И на заре, босая,
Кружу и зависаю
Меж небом и землей.

Несколько лет назад в разговоре с одной знакомой актрисой я упомянула имя Констанции Рок. "Ксюша?" — переспросила меня собеседница и, вздохнув, добавила: "Бедная Ксюша. Ей ведь давно пришлось оставить сцену: она заболела тяжелым нервным расстройством. Долго лежала в больнице, да так толком и не поправилась. Она иногда звонит мне, когда бывают просветы".

Sic transit... Так проходит по земле даже тот, кто, как будто бы едва ее касается. Таково земное притяжение, земная тяга, земные тяготы. И все же

Преходящему — вечности крылья,
Ветра вольного, света обилье,
Устремление кочующих стай,
От подробностей душевных засилья
Улетай, улетай, улетай...

1997г.

- Людмила Алексеева;
- репетиция "Орфей и Эвридика".
- Сцена "Прощание с Эвридикой".
- репетиция "Орфей и Эвридика".
- Сцена "Фурии".